

Александр Владимирович Фоменко – историк и политолог, депутат Государственной Думы IV созыва, председатель Постоянного комитета Межпарламентского союза по устойчивому развитию, финансам и торговле (2005–2007)

Русский взгляд на Поднебесную

С середины 1990-х годов в московской прессе хорошим тоном стало говорить об особых отношениях России и Китая. Особенно на фоне нараставшей прохлады в официальных отношениях с Вашингтоном и явного утомления Москвы от постоянных и почти семейных (по степени бессмысленности и интенсивности) перепалок с Брюсселем. Впечатление от собственных российских «реформ» было столь гнетущим, ослабление экономических и военных возможностей, а следовательно и геополитического веса, постсоветской РФ по сравнению с СССР было столь очевидным, что хозяйственные успехи китайского госкапитализма не могли не вызывать озадаченного удивления наших сограждан.

Кто к нам пришел?

Экономическая масса Китая достигла к тому времени таких размеров, что пекинские власти стали намеренно приуменьшать официальные статистические данные как о своих оборонных возможностях, так и о своем народном хозяйстве – дабы не дразнить раньше времени всевозможные «большие семерки» и «восьмерки». Если в 1980 году валовой внутренний продукт Китая составлял 64 процента от американского, то в 1987 году он достиг уже 97 процентов ВВП США. В 1997-м соотношение было 1,7 – в пользу Китая. Подобную скромность, надо сказать, весьма поощряли руководители ведущих стран Запада, не склонные огорчать своих сограждан сообщениями об истинных размерах экономической и военной мощи

Красного Китая. Делалось и делается это вполне грамотно — путем применения особых методик оценки китайской экономики, как ранее — при оценке экономики СССР. Например, стоимость предоставляемых государством услуг (образование, медицина и т.д.) занижалась в десятки раз — то есть учитывалась лишь их конечная стоимость для потребителя. Никто не хотел говорить о паритете покупательной стоимости услуг, предоставляемых гражданам тех или иных стран, — по аналогии с паритетом покупательной способности различных валют. В то же время дезинформация путем завышения тех или иных показателей также имеет место. Китай, например, постоянно преувеличивал действительный уровень иностранных вложений в свою экономику — более чем в полтора раза. Учитывались в отчетах не только реальные инвестиции, но и так называемые опционы — предполагаемые инвестиции. И никто официально не вносил в эти показатели поправку на «репатриацию» незаконно вывезенного из страны капитала.

Таким образом, создавалась иллюзия того, что именно иностранным инвестициям обязан был Китай своим быстрым хозяйственным ростом. Но на самом деле такие инвестиции оборачивались лишь считанными процентами физического объема китайской экономики.

Именно поэтому Пекин относительно безболезненно пережил последствия известного «азиатского кризиса» конца 1990-х, достаточно ясно продемонстрировав западному миру, что вполне способен играть и выигрывать по правилам, писавшимся не им и не для него.

Тогда, в 1997-1998 годах, вследствие ударов международных финансовых спеку-

Китайский зонтик уже простерт над Японией — стратегическим союзником США, — как, впрочем, и над всей новой «великой восточноазиатской сферой совместного процветания»: именно так назывался японский геополитический проект, за который империя безуспешно билась во Второй мировой войне.

лянтов по экономикам стран Юго-Восточной Азии, а также Японии (совершенных не без благосклонного понимания некоторых если не правительств, то национальных финансовых институтов) про различных «азиатских тигров», равно как и «драконов», в масс-медиа рассуждать перестали, глобальные же амбиции Страны восходящего солнца явно уменьшились. При этом премьер-министр Малайзии Махатхир Мохаммад (до того — вполне дисциплинированный строитель глобальной экономики) позволил себе не только открыто выступить против валютных спекулянтов вроде Джорджа Сороса и призвать к ограничению валютных торгов объемами, не-

обходимыми для обеспечения импорта, но и публично и жестко отказаться следовать рекомендациям МВФ.

Заручившись негласной поддержкой КНР, он предпочел выводить малайзийскую экономику из кризиса на свой собственный азиатский страх и риск. И выиграл — разумеется, вместе с КНР. Полная «западнизация» окружающего Запад другого мира — как средство контроля над ним — явно забуксовала. И последствия не заставили себя долго ждать: жесткая критика МВФ, еще вчера звучавшая вполне экзотически, вдруг стала признаком хорошего тона в мировом экономическом бомонде.

Окончательное вступление КНР во Всемирную торговую

организацию в декабре 2001 года не привело к ослаблению жесткого контроля пекинского «красного дракона» над экономикой материкового Китая вообще и над его внешней торговлей в частности. Европейские и российские экономические либералы, фанатики «свободного рынка», могли сколь угодно долго продолжать свои радения во славу знаменитой «невидимой руки», но китайские власти не собирались обращать никакого внимания на благопожелания своих «партнеров» по ВТО.

Хотя в ходе «азиатского кризиса» Нью-Йорк и подтвердил свой мировой экономический статус, но одновременно столкнулся с новой для себя реальностью: оказалось, что китайский зонтик уже простерт над его младшим японским братом — стратегическим союзником США, — как, впрочем, и над всей новой «великой восточноазиатской сферой совместного процветания»: именно так назывался японский геополитический проект, за который империя безуспешно билась во Второй мировой войне. Поднебесная в эпоху после Мао попробовала для той же цели использовать мирные средства — и не без успеха.

Два мира — две системы

Сожаления многих (и не только бывших членов КПСС и нынешних — КПРФ) о прошедшем мимо нас китайском опыте реформирования не учитывают два ключевых фактора, определивших отличие китайских реформ и китайских коммунистических реформаторов от советских/российских реформ и реформаторов.

Во-первых, это фактор времени: Пекин начал свою перестройку гораздо раньше Москвы — всего через тридцать лет

после коммунистической революции 1949 года, когда еще во вполне трудоспособном возрасте пребывали люди, помнившие досоциалистические времена. И можно только догадываться о том, какие результаты могли бы быть достигнуты советской перестройкой, если бы она, начавшись через тридцать лет после Октябрьской революции, в конце 1940-х годов, продолжилась бы до конца 1970-х. Но известная нам перестройка в СССР началась лишь к концу 1980-х. А к тому времени даже знаменитые советские «цеховики» уже не имели никакого представления о реальной предпринимательской деятельности в условиях конкуренции: без дефицитного спроса, без фиксированных цен на сырье и возможности использовать государственные фонды для своих партикулярных целей.

Во-вторых, важен фактор огромных различий как между двумя нашими культурами и цивилизациями вообще, так и между двумя так называемыми коммунистическими режимами в частности. Сменивший Сталина у кормила власти Хрущев при всей своей природной хитрости и восприимчивости к новому был чистым продуктом Института красной профессуры и не имел должного представления ни о дореволюционной жизни в России, ни о жизни в окружавшем Советский Союз мире. Сталин, в отличие от него, был чрезвычайно широко начитан и успел не раз побывать за границей — в Швеции, Германии, Австрии (включая польский Краков), Великобритании, Франции — еще до революции. Что уж говорить об остальных наследовавших Хрущеву советских лидерах или о советско-антисоветском «узурпаторе» Ельцине. Да и официально антикоммунистические реформаторы уже

постсоветской России успели продемонстрировать почти полное непонимание ценности высокой культуры и фундаментального научного знания как такового. Вообще говоря, нет ничего более отличного от тысячелетней китайской традиции уважения к разного рода компетенциям (когда даже карьерный рост чиновников зависел от сдачи ими соответствующих экзаменов — в том числе по литературе), нежели презрение массы наших постсоветских чиновников к элементарной гуманитарной образованности.

ВКП(б) и КПК изначально действовали в условиях чрезвычайно непохожих и даже чуждых друг другу цивилизационно-культурных миров. В результате и с точки зрения религиозно-философской, и с точки зрения собственно государственного строительства, эти по видимости одноименные режимы несут различную ответственность за то, что произошло на протяжении XX века с подвластными им странами и народами, с их исторически сложившимися образами жизни.

После прихода Мао к власти в Китае не было знакомого России прямого столкновения строителей «земного рая», коммунистов, и христиан, алчущих Царствия небесного, — за сравнительной малочисленностью последних. Хотя, например, в 1912 году, после китайской революции, объявившей свободу совести, римско-католический епископ Пекина уже насчитывал в стране более 1 миллиона одних только католиков, но и это составляло лишь 0,25 процента от всего тогдашнего населения Китая.

Для Китая христианство всегда было подозрительным экзотическим иностранным исповеданием. Как известно, именно участники антизапад-

ного «боксерского» восстания 1899-1900 годов, а не ЦК КПК, положили начало физическому уничтожению исповедников Христа.

Местным же синкретическим языческим культам предков, как и конфуцианству, даосизму и буддизму, — в силу их известных и противоположных христианству духовных черт — можно было находить точки соприкосновения и с боготорческой традицией коммунизма, и с чисто материальным пониманием жизни, свойственным современному китайскому госкапитализму. Триада традиционного китайского благожелания «сань-до» начинается именно с пожелания богатства, а лишь затем следуют пожелания долгих лет и пожелание иметь сыновей. А к числу наиболее почитаемых в Китае всегда относились божества Цай-шень — покровители богатства: в любом китайском доме можно встретить их изображения. Жертвоприношения идолам богатства в начале первого месяца китайского лунного календаря — вещь настолько же естественная для китайцев, насколько непредставима для европейцев. Последние два тысячелетия нас учили молиться не о даровании богатств, но лишь о хлебе насущном. Даже протестанты кальвинистского толка, и сегодня поражающие добрых католиков своей неумемной жадой обогащения, все-таки воспринимают материальное богатство в качестве символического свидетельства богоугодности своей деятельности, но не как духовно самостоятельную ценность, не как объект для поклонения.

Большевики же, захватив власть в стране с почти тысячелетней христианской традицией, не довольствовались яростным ленинским антицерковным террором: хотя перед этой попыткой физичес-

Местным синкретическим языческим культам предков, как и конфуцианству, даосизму и буддизму, можно было находить точки соприкосновения и с боготорческой традицией коммунизма, и с чисто материальным пониманием жизни, свойственным современному китайскому госкапитализму. К числу наиболее почитаемых в Китае всегда относились божества Цай-шень (на иллюстрации) — покровители богатства.

кого уничтожения Православной церкви бледнеют даже ужасы языческого Рима. Разного рода послабления для нашей Церкви стали реальностью лишь в годы Великой Отечественной войны. Боль-

шое количество храмов открылось на оккупированной немцами территории (нацисты относились к русской церковности с тем же безразличием, что и монголы в пору ордынского ига), а маршал Сталин и

вовсе пошел на своего рода конкордат с Церковью. Но настоящего «воцерковления» советского режима тогда не случилось. После смерти Сталина КПСС обрушила на чудом пережившее Соловки русское православие еще и новое — хрущевское — гонение (известное среди интеллигентов-шестидесятников как «оттепель»).

С виду одни и те же действия обоих коммунистических режимов — Советского Союза и Китая — различным образом отзывались в исторической памяти подвластных им народов.

Миллионы жертв репрессивной кампании председателя Мао, ознаменовавшей его победу над маршалом Чан Кайши, или кошмары «культурной революции» китайцы могли сравнивать не только с жестокостями самого Чана или других вождей многолетней гражданской войны первой половины XX века, хотя Мао, кажется, превзошел всех своих соперников в степени жестокости и в ее планомерности. Из исторической памяти китайцев не исчезло представление о совершенно традиционной для императорского Китая кровожадной жестокости в подавлении внутренних смут центральной властью. А сама проблематика споров о приемлемости или наоборот неприемлемости смертной казни находится явно вне китайской картины мира.

Нам же, русским, эта проблематика знакома со времен Владимира Мономаха. Известно, что в нашем древнейшем судебнике — «Русской правде» — вообще не предусматривалась смертная казнь. И традиционную государственную власть России можно осуждать за все, что угодно, кроме кровожадности.

Ведь число жертв правления Иоанна IV Грозного (до четырех тысяч) могло искренне

возмущать нравственное чувство лишь самих русских, но никак не остальных европейцев. Список, например, жертв его современницы Елизаветы I Английской — в 20 раз длиннее, однако британцев это не особенно беспокоит: ибо это — нормальный для тогдашней Европы уровень кровопусканий! С китайскими же масштабами все это вообще невозможно сравнивать.

Если иметь в виду, что после восстания декабристов и до Первой русской революции (то есть за 80 лет) в благоустроенной империи русских царей в год казнили 2445 человек, то есть примерно по 30 человек (без учета двух польских восстаний 1830 и 1863 годов и самой революции 1905-го, то есть во время гражданского мира — лишь 19 человек в год), то понятно, насколько высока была цена человеческой жизни в исторической России. И как в свете такой национальной исторической памяти русских воспринимался всеми, которые помнили и знали эту Россию, размах коммунистических репрессий 1920–1930-х годов!

В отличие от советских вождей, все видные китайские революционеры были в той или иной степени националистами традиционно имперского толка. Никому из них, например, не приходило в голову делить территорию этнически пестрого Китая вместо провинций на «национальные республики» и одаривать государственностью до того не имевшие ее народности.

Если Сунь Ятсен мечтал об исчезновении этнических различий в общекайтайском «плавильном котле» (не путать с созданием безнациональной «новой исторической общности»), то Чан Кайши отрицал само существование этих различий. Хотя с западной точки зрения, например, тогда во-

обще нельзя было говорить о Китае как о единой нации, как о политическом монолите, ибо там до коммунистов никогда не было ни настоящей централизации, ни даже какой-либо тесной связи между различными провинциями. Даже казавшиеся просоветскими китайские коммунисты достаточно вольно относились к понятию диктатуры пролетариата. Сам Мао Цзэдун еще в 1930-е годы любил порассуждать о том, что его правительство «представляет не одних только рабочих и крестьян, но и всю нацию». Последнее неудивительно, если учесть, что Мао с молодых ногтей штудировал не только «Манифест коммунистической партии», но и «Систему этики» гегельянца Фридриха Паульсена, а также других известных немецких авторов первой трети XX века. Этому можно найти подтверждение в виде очевидных смысловых переключек и аллюзий в самых известных сборниках «великого кормчего». Вообще же германские связи маоистского руководства явно не исчерпываются фактом обучения в Геттингене Чжоу Эньлая и Чжу Дэ, именно там, кстати, и познакомившихся друг с другом.

И Мао, и Чан Кайши при всем их жесточайшем взаимном соперничестве каждый по-своему пытались возродить былое величие Поднебесной.

«Западник» маршал Чан, будучи предан своими американскими союзниками (и, можно сказать, даже единоверцами — еще в 1930 году он стал протестантом-методистом), на оставшемся в его руках острове Формоза (Тайвань) отстроил мощное современное государство и одну из финансовых столиц капиталистического мира.

А «национал-коммунист» председатель Мао сумел обвести вокруг пальца не только

союзников, но и противников: он создал из материкового Китая политически совершенно самостоятельную (!) мировую державу, заложив тем самым основу для сегодняшнего рывка, если хотите — настоящего «большого скачка». То есть для воссоздания в новых условиях Срединной империи, объединяющей в одно культурно-экономическое (если не политическое) целое и материк, и остров, и многочисленные анклав китайской диаспоры по всему миру. Материк и остров, известные под названиями Китайской Народной Республики и Республики Китай (Тайвань), в историческом и геополитическом смыслах находятся в отношениях взаимного дополнения — несмотря на официальную враждебность друг другу. (Между прочим, еще в середине 1990-х один очень опытный государственный деятель Юго-Восточной Азии в беседе с автором рассуждал о наличии у Китая двух столиц: политической — в Пекине, экономической — в Тайбэе.) И надо сказать, что китайская диаспора умело извлекает выгоду из этой двойственности китайского политического лица.

В тех же Штатах после Второй мировой войны протайваньская диаспора получила все возможности для укрепления своих позиций: ведь она представляла важнейшего союзника США в деле «сдерживания коммунизма». А после официального прекращения «борьбы с коммунизмом» в связи с распадом СССР мощнейшая и уже почти официально пропекинская диаспора обеспечивала КНР постоянное продление статуса «наиболее благоприятствуемой нации» в торговле с США. Происходило это, несмотря на очевидные, казалось бы, убытки Вашингтона: за 1990-е годы дефицит США в торговле с континен-

Мао и Чан Кайши

Из исторической памяти китайцев не исчезло представление о совершенно традиционной для императорского Китая кровожадной жестокости в подавлении внутренних смут центральной властью. Миллионы жертв репрессивной кампании председателя Мао, ознаменовавшей его победу над маршалом Чан Кайши, или кошмары «культурной революции» китайцы могли сравнивать не только с жестокостями самого Чана.

тальным Китаем вырос с 6 миллиардов (1991) до 83 миллиардов долларов (2000), и не в последнюю очередь — из-за официальных китайских ограничений на американский импорт!

Исторически китайцы — континентальный народ, и они эмигрировали лишь тогда, когда их страна оказывалась в хаосе. Но при этом китайская эмиграция несет в себе определенные черты колонизации, то есть упорядочения хаоса: порожденные ею диаспоры не растворяются среди местного населения, а лишь внутренне

сосредотачиваются со временем.

Поэтому Китай сегодня — это не только материковая часть, хотя бы даже и с Гонконгом. Это еще и Макао, и Сингапур, и Тайвань. И наконец, крепко спаянная родственными, клановыми, земляческими, корпоративными (вплоть до тайных обществ) связями китайская диаспора в Таиланде, Малайзии, Индонезии, на Филиппинах и во всем остальном мире: 50 миллионов зарубежных китайцев-хуацяо (китайцев диаспоры) еще полтора десятка лет назад контролиро-

Проблематика споров о приемлемости или наоборот неприемлемости смертной казни находится явно вне китайской картины мира. Нам же, русским, эта проблематика знакома со времен Владимира Мономаха. И традиционную государственную власть России можно осуждать за все, что угодно, кроме кровожадности.

вали экономику стоимостью 700 миллиардов долларов. В то же время современная Россия все еще не может определиться со своим отношением к России императорской, дореволюционной, и к России советской, послереволюционной. И следовательно, к русским диаспорам, порожденным русской революцией. Вследствие этого русские эмигранты первой (послереволюционной) и второй (послевоенной) волн до сих пор лишены возможности получить паспорта постсоветской России по праву происхождения от людей, бывших подданными Российской империи до 1917 года либо гражданами Советского Союза до 1941 года.

Срединная империя и Запад

В середине XIX столетия Британской империи, стремив-

шейся навязать ослабевшему Китаю правила свободной торговли, пришлось провести против него целых две войны (в 1839–1842 и в 1856–1860 годах), вошедших в историю под названием «опиумных войн». Британцы тогда очень успешно промышляли индийским опиумом, а китайские власти, столкнувшись с массовой наркоманией, пытались закрыть страну для наркотиков: безуспешно, надо сказать. В начале XXI века вступивший во ВТО Красный Китай так умело использовал все преимущества этой самой «свободной торговли», что не только британцы диву давались. Наркобароны из числа хуацяо сегодня успешно эксплуатируют опиумный «золотой

треугольник» на стыке Бирмы, Таиланда и Лаоса, поставляя товар по всему миру. Чем не ирония истории?

По такой же иронии истории проблемой для лидеров Запада оказалась вовсе не бывшая социализация, а как раз нынешняя капитализация Красного Китая, его намерение играть по чужим правилам и выигрывать, используя собственные ресурсные преимущества. Из таких преимуществ можно назвать прежде всего дешевый (по американским меркам — почти бесплатный, то есть рабский) труд трудолюбивого и неприхотливого населения.

Нельзя не согласиться с мнением видного экономиста и политика, многолетнего министра финансов Италии Джулио Трёмonti, что вступление Китая в ВТО в 2001-м оказалось событием не менее

важным, нежели разрушение Берлинской стены в 1989-м и прекращение существования Восточного блока.

Действительно, на наших глазах китайское массовое производство постепенно уничтожает саму возможность существования других индустриальных экономик: глобальная передислокация рабочих мест по своим хозяйственным и политическим последствиям будет посерьезнее танковых клиньев Второй мировой. Ведь знаменитая «китайская цена» квалифицированного труда вкупе с государственным протекционизмом делает глобальную конкуренцию попросту невозможной для развитых стран, не желающих понижать уровень жизни своих рабочих.

В этих условиях западные страны не могут не размышлять о том, как выпутаться из той западни, в которую они попали после вступления Китая в ВТО. Ибо его членство во Всемирной торговой организации резко обострило уже существовавшие, врожденные ее пороки. (О которых еще в 1993 году весьма остроумно и потому прозорливо писал франко-британский финансист и политик Джеймс Голдсмит в книге с говорящим названием «Западня».)

Неслучайно в свое время Ричард Никсон, например, до последнего противился идее преобразования (по сути — рамочного) Генерального соглашения о торговле и тарифах (ГАТТ) в жесткую международную организацию. И только после «Уотергейта», катапультировавшего в Белый дом Джеральда Форда, долго и безуспешно противостоявшие Никсону лоббисты, наконец, добились успеха: с принятием в 1974 году нового Закона о торговле была создана основа для постепенного включения США в глобальную торговую структуру.

При этом, в отличие от развитых стран Западной Европы, Соединенные Штаты все-таки оговорили в 1995 году свое вступление во вновь созданную ВТО возможностью процедурного преследования своих национальных интересов в рамках этого странного сообщества. И потому в оставшееся до прекращения существования (или коренного преобразования) Всемирной торговой организации время Америка может позволить себе роскошь сопротивления китайской экономической экспансии посредством использования соответствующих арбитражных исков.

Впрочем, сопротивление это — дело весьма трудное, ведь Пекин не особенно склонен к устранению противоречий с западными «партнерами». Помните, когда в конце 2006 года целых шесть членов американского правительства и председатель Федеральной резервной системы Бен Бернанке отправились в Пекин с целью уговорить китайцев не занижать искусственно курс юаня, то переговоры эти ни к чему не привели. Для Вашингтона это было что-то новое, явно не запланированное... Очевидно, что по правилам фон Хайека и Фридмана в мировой экономической гонке выигрывают Китай и Индия. С одной разницей между ними: в отличие от Срединной империи, «Индийская империя» как политическое целое (если не вспоминать времена Великих Моголов) была создана лишь на время — британцами. И следовательно, сегодняшние экономические успехи Индии совсем не так легко могут быть конвертированы в рост ее геополитического влияния — даже в Азии. Но вот континентальный Китай всегда осознавал себя империей и всегда таковой являлся. Используемое ныне в западных языках (включая

На наших глазах китайское массовое производство постепенно уничтожает саму возможность существования других индустриальных экономик: глобальная передислокация рабочих мест по своим хозяйственным и политическим последствиям будет посерьезнее танковых клиньев Второй мировой.

русский) название этой страны — Китайская Народная Республика — не является достаточно точным эквивалентом собственно китайского именованья. На самом деле мы имеем дело со «Срединной империей рабочих и крестьян», ибо при написании нынешнего имени этого государства используются те же иероглифы, которые всегда читались как «Срединная империя», лишь с добавлением иероглифических обозначений «рабочего» и «крестьянина».

Сегодня людская масса Китая и физический объем его народного хозяйства стали столь велики, что просто заставляют Пекин становиться действительно великой державой, что означает в том числе и проведение активной внешней политики (чего держава явно избегала в первые годы реформ Дэн Сяопина) и планомерное

усиление военной мощи. Огромное беспокойство доставляет Вашингтону внешнеэкономическая экспансия Китая в мире, а особенно в Африке, где пекинские «суверенные фонды» на протяжении последнего десятилетия весьма агрессивно скупали сырьевые и топливные активы. Китайский же современный военноморской флот в бассейне Тихого океана уже стал главной головной болью американских стратегов.

Надо сказать, что континентальный Китай обладал достаточно мощным ядерным потенциалом второго удара уже к середине 1990-х годов. А его общие военные возможности были достаточно откровенно продемонстрированы американцам и всем другим заинтересованным сторонам в ходе грандиозных маневров в Тайваньском проливе еще в 1996 году: демонстра-

цию силы китайские стратеги, как известно, всегда предпочитали прямому применению этой силы.

С тех пор китайские военные расходы резко выросли. Причем Пекин приобретает оружие и военные технологии не только на открытых рынках. Например, многие годы продолжалось его достаточно плодотворное военно-техническое сотрудничество с Израилем. По мнению специалистов Стокгольмского института исследования проблем мира, китайцы, покупая в 1990-е годы недорогое русское оружие, затем модернизировали его с помощью современных американских технологий, тайно приобретавшихся ими при посредничестве израильтян. Часто это были сверхсекретные технологии — вроде разведывательного спутника КН-11 или истребителя J-10. (Например, китайский J-10 оказался почти полной копией американо-израильского самолета «Лави», разработка которого стоила американцам под миллиард долларов и была прекращена Рональдом Рейганом в 1987 году именно из-за своей дороговизны.)

Израильтянам и их покровителям в США казалось, видимо, что в результате этого, помимо денег, они смогут получить какое-то влияние на политику Пекина. Но вряд ли на просторах Китая сработают методики, опробованные в других местах. Здесь — все другое. Тысячелетняя традиция управления большими массами людей посредством маленьких коллективов — тайных обществ, — по сравнению с которой, например, европейская традиция масонских лож выглядит детской забавой. Как поговаривали знающие китайцы, невозможно понять, где кончается «Общество красного дракона» и начинается ЦК КПК. По мнению

некоторых исследователей, в Пекине всего два-три десятка людей, включая менее десятка членов узкого руководства, достаточно успешно принимают и осуществляют все важнейшие политические решения.

Вообще в американском внешнеполитическом и финансовом истеблишменте давно сосуществуют два подхода в отношении Китая. Сторонники твердой линии занимаются военным и военно-экономическим планированием, исходя из перспективы жесткого противостояния с Пекином. В то же время Генри Киссинджер и его единомышленники, имевшие в пору холодной войны успешный опыт использования Пекина против Москвы, сегодня вновь пытаются разыграть «китайскую карту», соблазнив Красный Китай бывшей советской ролью «второй сверхдержавы».

Именно сторонники мягкой линии обеспечили в 1990-е годы предоставление Пекину статуса «наиболее благоприятствуемой нации» в торговле с США, хотя при этом американские товары продолжали облагаться серьезными пошлинами. Они же лоббировали и прием Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 году.

Известный скандал 1990-х годов с пекинскими и тайваньскими (а также другими азиатскими) взносами в кассу Демократической партии и в избирательную кампанию Клинтона — лишь звено в длинной цепи событий.

Здесь же следует напомнить и о попытке неких американских доброхотов сдать в аренду Китайскую океанскую судоходную компанию (*China Ocean Shipping Company*) — бывшую американскую военноморскую базу в Калифорнии. Притом что тогда юридическим владельцем этой круп-

нейшей судоходной компании являлась Народно-освободительная армия Китая (!), в качестве ее официальных лоббистов на Капитолийском холме подвизались бывшие государственные секретари США Генри Киссинджер и Александр Хейг. Интересно, что приостановленная в последний момент эта сделка, согласно заявлению тогдашнего директора ЦРУ (затем — министра обороны) Роберта Гейтса, готовилась без какого бы то ни было предварительного исследования вопроса специалистами по национальной безопасности.

То есть многие из тех, которые принимали важные решения в Вашингтоне, готовы были вступать в далекоидущие сделки с Пекином уже в первой половине 1990-х годов, возможно, надеясь как-нибудь в дальнейшем задушить партнера в объятиях.

Попытки выстраивания «особых отношений» США с Китаем имеют уже столетнюю предысторию, и не только дипломатическую: именно в США в свое время производился сбор средств «на китайскую революцию» 1912 года и вербовка, а также военная подготовка добровольцев для будущей революционной армии Сунь Ятсена. Более того, в должности военного советника вождя китайской революции подвизался амбициозный американский военный теоретик Гомер Ли: ему был даже присвоен чин генерала революционной армии (хотя в американской армии он и не служил). Сто лет назад Гомер Ли грезил единством американско-британской саксонской мировой империи, способной в союзе с восстановленной (революционерами) мощью Китая противостоять германской, русской и японской мировой экспансии. Хотя о чьей бы то ни было экспансии на собственно североамерикан-

Истребитель J-10

скую территорию речь тогда не шла.

Еще в 1990-е годы Трехсторонняя комиссия (будучи в то время одной из влиятельных наднациональных политических структур Запада – США, Европы и Японии) стала приглашать представителей Китая и других азиатских стран на свои заседания.

Существует, однако, серьезное препятствие для любовного соглашения Запада с Пекином: китайский, так сказать, цивилизационный национализм. Даже во времена «культурной революции» китайские коммунисты в «интернациональную идеологию» в действительности, похоже, не верили. Показательно, что уже в 1972 году, в пору не китайского еще, а японского «экономического чуда», по воспоминаниям очевидцев, Мао вел себя с премьером Японии как с младшим братом, едва ли не как с вассалом великой китайской цивилизации. А теперь, после реформ Дэн Сяопина, — и подавно: вряд ли в Пекине найдется политик, готовый поделиться государственным

Пекин приобретает оружие и военные технологии не только на открытых рынках. Китайцы, покупая в 1990-е годы недорогое русское оружие, затем модернизировали его с помощью современных американских технологий, тайно приобретавшихся ими при посредничестве израильтян.

суверенитетом в пользу АТЭС, ООН или некоего фантома под названием «международное право».

«Китай, который может сказать: “Нет!” Политический и эмоциональный выбор после холодной войны» — так назывался выпущенный в 1996 году сборник статей китайских интеллектуалов, посвященный противостоянию американскому цивилизационному натиску. Ознакомившись с содержанием сборника, многие наблюдатели расценили его появление как предвестие грядущего изменения политики улыбочливой открытости по отношению к западному миру. (Китайские авторы при этом явно следовали японскому примеру 1989 года, когда в Токио вышла книга Акио Мориты, главы корпорации «Сони», и Синтаро Исихары, тогдашнего губернатора То-

кио, «Япония, которая может сказать: “Нет!”»)

Не все так однозначно

Разумеется, внешнеэкономическая экспансия Китая имеет и оборотную сторону, но наличие у этого гиганта внутренних проблем не может кого-либо радовать, ибо чревато потрясениями для всего мира.

В изданной шесть лет назад книге американского автора Питера Наварро «Грядущие китайские войны. Где они будут вестись и как их можно выиграть?» впечатляет уже само перечисление тяжелейших угроз и опасностей, скрывающихся за фасадом китайского «экономического чуда». Невероятные объемы потребления Китаем нефти, газа и металлов не только обеспечивали в течение многих лет

Попытки выстраивания «особых отношений» США с Китаем имеют столетнюю предысторию: именно в США производились сбор средств «на китайскую революцию» 1912 года и вербовка, а также военная подготовка добровольцев для армии Сунь Ятсена. Военный советник вождя китайской революции американец Гомер Ли (на фото) грезил единством американо-британской саксонской мировой империи, способной в союзе с восстановленной мощью Китая противостоять германской, русской и японской мировой экспансии.

взрывной рост мировых цен на энергоносители, но и усиливали мировое соперничество за доступ к сырью.

Стремление обеспечить растущие потребности в электроэнергии привело к широкомасштабному и слабо контролируемому с экологической точки зрения строительству гигантских плотин и ГЭС, причем китайская гидроэнергетическая гигантомания превосходит советскую.

Запредельный уровень загрязнения среды в стране ныне напрямую угрожает не только непосредственным соседям Ки-

тая, в том числе и его старому сопернику — Вьетнаму, но даже за океанским партнерам Поднебесной. Если с 1950-х до 1970-х годов в пустыню превратилось 1,5 тысячи квадратных километров лесных и сельскохозяйственных угодий, то теперь страна ежегодно теряет 4 тысячи квадратных километров.

Китайское население не только потребляет загрязненные сверх всякой меры продукты питания, но и страдает от нехватки питьевой воды. Некогда существовавшее государственное здравоохранение разрушено, и чрезвычайно возрастает опасность эпидемий. К тому же население страны стремительно стареет — и это при отсутствии сколько-нибудь действенной пенсионной системы. А прирост рабочей силы закончится уже через несколько лет — в связи с последствиями «политики одного ребенка».

изводства, от которых корятся и население, и сами местные власти.

После же того как в начале 2008 года созданные китайским руководством так называемые суверенные фонды, оперируя сотнями миллиардов долларов, весьма агрессивно начали скупать по миру разного рода активы — от минеральных ресурсов до промышленных предприятий, — могло показаться, что Федеральному резерву и Уолл-стрит нечем ответить на стремление Пекина превратить свои триллионы долларов (накопленные за годы интенсивной госкапитализации страны) в нечто осязаемое, в контроль над существенной частью мировой экономики.

Но вовремя подоспевший мировой финансово-экономический кризис нанес ориентированной на экспорт экономике Китая удар невероятной силы: в январе 2009 года китайский экспорт снизился на 17,5 процента, в феврале падение составило 25,7 процента. Весной того же года до 80 процентов предприятий — например, в Гуанчжоу (Кантоне) — было остановлено.

Новый мировой кризис стал, вне всякого сомнения, трудным испытанием для Китая, перед которым стоят, среди прочего, проблемы «плохих долгов» (кредитование госпредприятий производилось здесь с учетом социально-политических факторов), переоцененной недвижимости («пузырь» которой все разрастается) и т.д. Правда, некоторые наблюдатели говорили о неизбежном замедлении поразившего воображение Запада роста китайской экономики еще до всякого кризиса.

Резкое сокращение хозяйственного роста, связанное не только со сжатием внешних рынков для китайского экспорта, возможно, будет сопровождаться усилением вели-

Центральная власть в Пекине способна обеспечивать общественный порядок в стране — но и только. Об очевидном невеселии ее свидетельствует многое. Например, известно, что производство подделок и интеллектуальное пиратство переходят в Китае все мыслимые пределы. И время от времени мы узнаем об очередных попытках центральной власти ужесточить и усилить борьбу с пиратством, но никто при этом не говорит о том, что местные китайские власти просто не могут себе позволить закрывать пиратские про-

кодержавной риторики Пекина и активизацией его внешней политики по всем направлениям.

Первым звонком, возвестившим об этих переменах, стал неожиданно резкий демарш китайской дипломатии весной кризисного 2009 года, когда Пекин вдруг резко потребовал вернуть ему некогда вывезенные из Поднебесной произведения искусства из частной французской коллекции, выставленной на аукцион. (Владельцы коллекции были добросовестными приобретателями, и не существовало особых объективных причин для подобного демарша.)

Имея в виду этот инцидент, можно предположить, что французские власти, планируя в 2011 году интервенцию в Ливию, вполне учитывали и тот факт, что уничтожение упорядоченного ливийского государства неизбежно приведет в том числе и к ликвидации имущественных прав китайских корпораций на их нефтегазовые активы в этой стране.

Что делать?

Как нас в силу нашей огромности всегда — и, как оказалось, напрасно — опасалась Европа, так и мы можем остерегаться Китая — просто как гигантской военной и экономической массы вблизи наших границ.

Особенно если помнить ту несвойственную китайцам топропливость, с которой Пекин, никогда не признававший «права наций на самоопределение», объявил о признании независимости прибалтийских республик — уже в сентябре 1991 года, а затем и других республик СССР, одним из первых засвидетельствовав факт прекращения существования СССР.

Но нужно при этом иметь в виду, что наши трения с Китаем, в отличие от трений с Ев-

Внешнеэкономическая экспансия Китая имеет и обратную сторону. Китайское население не только потребляет загрязненные сверх всякой меры продукты питания, но и страдает от нехватки питьевой воды. Население страны стремительно стареет — и это при отсутствии сколько-нибудь действенной пенсионной системы. А прирост рабочей силы закончится уже через несколько лет — в связи с последствиями «политики одного ребенка».

ропой, никогда — в силу разных причин — не доходили до уровня полномасштабного военного противостояния. (Участие русских войск, входивших в состав европейского воинского контингента, в подавлении восстания ихэтуаней в 1900-1901 годах, как и короткий пограничный конфликт СССР и КНР в марте 1969 года, не могут идти ни в какое сравнение даже с Крымской войной 1853—1856 годов, в которой Россия противостояла европейско-турецкой коалиции, не то что с нашими Отечественными войнами.) Москве, безусловно, нужно поддерживать особые отношения с Пекином — понимая при этом, что о дружбе в собственном смысле слова (а тем более о любви) в межгосударственных отношениях речи быть не может. И уж тем более не может ее быть в отношениях с таким государством,

как Китай, — с совершенно иным по численности и по ментальности населением, с иной религиозной, культурной, политической, хозяйственной традицией, с совершенно иной историей и — если исходить из библейской перспективы, из христианской эсхатологии — совершенно иным будущим.

Бессмысленно бросаться в объятия к этому более чем миллиардному гиганту. Но попытаться достичь с ним, особенно перед лицом современной политической неуравновешенности НАТО, чего-то вроде стратегического взаимодействия — Москве вполне по силам. Правда, если не принимать во внимание всевозможные европейские предрассудки — особенно относительно способности Запада понять Восток и даже (какая самоуверенность!) ассимилировать его. 📌